

Владимир
Немирович-
Данченко

ПОДНЕБЕСНЫЙ АУЛ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
ИЗ СТАРЫХ КАВКАЗСКИХ БЫЛЕЙ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 355/359
ББК 68.4
Н50

Немирович-Данченко В. И.

Н50 Поднебесный аул / В. И. Немирович-Данченко. — М.: RUGRAM, 2025. — 194 с.

ISBN 978-5-517-13433-2

«Старая детская быль! Милые люди, которые живы только для тебя. Для других не осталось даже и следов к их могилам... Тихо-тихо колышутся над ними зеленые платаны, уныло свищет горный ветер, пробегая по ущельям, где рассеяны их плиты, сладко пахнут розы и лилии, поднявшиеся над их прахом...»

«...И всякий раз, когда воспоминания уходят в синюю дымку этого милого прошлого, когда из-за его тумана встают и кивают мне дорогие когда-то люди... я слышу в них упрек: расскажи о нас нашим правнукам... Кому же сделать это, как не тебе, чье детство было охраняемо нашею заботой, для кого мы еще живы... Смерть и для тебя не за горами.»

«Ярятся горные воды, сливаются, затопляют дно котла, шипят и бунтуют, у самых стен ходят. Все там мокрое, остуженное... А невесть откуда смотришь, и лихорадка подбирается... Да какая! По словам линейцев, она, подлая, в говядине не сидит, а в кость норовит, а из кости ее уж никак не выгонишь. До смерти дотрясет тебя, — будь покоен...»

«Вся эта масса пеших и конных ринулась на укрепление. Тихо крестятся солдаты... Зорко смотрят на эту стремящуюся на них лавину. Она всё ближе и ближе. — Ребята! Товарищи!.. Помните: ни одного заряда даром... Накинуты, примем в штyki. Жили вместе и умрем так же. Это ничего, что нас мало. Каждый сотни стоит. Правда? — Точно так, ваше высокоблагородие!»

УДК 355/359
ББК 68.4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13433-2

© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

I

Старая детская былль!.. Милые люди, которые живы только для тебя. Для других не осталось даже и следов к их могилам... Тихо-тихо колышутся над ними зеленые платаны, уныло свищет горный ветер, пробегая по ущельям, где рассеяны их плиты, сладко пахнут розы и лилии, поднявшиеся над их прахом... Как давно мне хотелось воскресить этих людей, заставить их жить, опять вернуть силу и звучность их смолкшим голосам, огонь и яркость навеки погасшему взгляду, румянец и здоровый южный загар их истлевшим лицам, казавшимся такими суровыми когда-то... Казавшимся!.. Но сколько доброты сияло из-под их угрюмо нависших бровей, какая ласка была в этой улыбке, прятанной под низко нависшие седые усы. Целая эпоха отошла назад, и сегодняшнему дню, с его мелкою заботою, нет никакого дела до яркой полосы жизни, как лента свившейся в темень прошлого. Там были герои с простыми и наивными душами, люди, не придававшие никакой цены ни своим мукам, ни своим подвигам. И всякий раз, когда воспоминания уходят в синюю дымку этого милого прошлого, когда из-за его тумана встают и кивают мне дорогие когда-то люди, и нежно-нежно ластятся к сердцу полузабытые голоса, я слышу в них упрек: расскажи о нас нашим правнукам... Кому же сделать это, как не тебе, чье детство было охраняемо нашею заботой, для кого мы еще живы... Смерть и для тебя не за горами. Похоронят тебя, и уже не станет очевидца наших дел, некому будет передать людям, как мы жили, о чем болели душою, зачем уходили в горные пустыни... И когда, послушный

этому таинственному призыву, я брался за перо, мне всегда казалось, что моею рукою водили невидимые нежные руки, что мысли, передаваемые на бумагу, принадлежат не мне одному, а еще кому-то, таинственно наклоняющемуся надо мною, образы являются ко мне в полноте жизни и красок из загадочной и мистической бездны давно пережитых былей... Странно, когда я был молод, эти голоса прошлого молчали; теперь, когда я подхожу к пределу, поставленному каждому из нас, далекое, схороненное, забытое другими, мне кажется настоящею явью, действительностью. Они смотрят на меня отовсюду... Заалеет цветок граната в яркой зелени, зашумит тополь, пробужденный теплым ветром южного дня, заговорят волны голубого моря, поплывут в бесконечность серебряные вершины гор по безоблачному небу, послышится отголосок грустной восточной песни, и вдруг рядом с этим мелькают знакомые лица, и бог весть из какой страшной дали звучит мне милое «здравствуй»... То же было и сегодня. Утро загоралось в эмалевой яркости красок, у моего окна зашевелились платаны, точно для того, чтобы сквозь зеленый узор их листвы я лучше разглядел глубокую воздушную даль моря... И вдруг, когда я и не ожидал этого, оттуда, из этой дали, нахлынули на меня призраки прошлого. Я вспомнил целый кружок милых лиц, один эпизод, связавший их вместе, и меня потянуло к письменному столу... Постараюсь рассказать о них так же, как они жили, — просто, бесхитростно, не придавая значения совершенному ими, не возводя этого в исключительный героизм. Люди крепости взрывали и гибли при этом так же спокойно, как они делали самое обыденное. Шли на смерть и на муку потому, что по-ихнему так было надо, как надо есть, пить, спать, чтобы жить, и жить, чтобы умереть...

II

Стояла на Кавказе такая крепость, что о ней даже «черти забыли». По крайней мере, таково было убеждение всех, кого судьба загоняла сюда, на дно какого-то невероятного котла. В самом деле, кругом этого каменного гнезда с горстью русских высились крутые горы в снеговых шапках. Казалось, всё здесь рвалось к небесам, и чем больше это удавалось, тем глубже в сырую низину проваливалась крепость. Мрачные отвесы висели над нею. По вечерам в тумане чудилось — вот-вот эти горы сдвинутся, и от каменных стен с башнями не останется и следа. На страшной высоте по утесам лепились аулы. Там жили «немирные» черкесы. Это значило, что каждый их горец был врагом всякому русскому солдату, и врагом смертельным. Встретиться они могли только при одном условии, чтобы один из них остался прибитым кинжалом или пулею к земле. А то и встречаться не приходилось. А просто высунет какой-нибудь «Иван Еремеев» нос за ворота укрепления, а к вечеру ротный писарь уже отмечает его в общем числе: «убит», а товарищи, поминая его на первых порах, снимают шапки и крестятся: «Царствие-де небесное, хороший был солдат, хоть и любил напиться чихирю и подраться с кем попало!» В аулах жилось легче. Во-первых, они со своих насестей мир Божий видели. Всползли на вышки, как птичьи гнезда, прилепились к утесам, и отсюда под ними сотни долин мерещатся, целые океаны горных вершин плывут в небесах. И солнце к ним раньше заглядывает утром и позже прощается с ними вечером. А в крепость оно, случалось, по целым неделям не заглядывало, особенно как ветер с запада нанесет морские тучи сюда и запрет их в эту котловину. Назад, как на запад, им выхода нет, а он оттуда дует

да дует. Плачут они, плачут, кропят забытую крепость холодными слезами и никак выплакаться не могут — всё еще этих слез в недрах у них непочатые реки. Пухнут горные потоки, пыжатыся. Вчера еще ниточкой сочились, а сегодня целыми водопадами в темь крошечную такие утесы сносят, что стоит на часах солдат в крепости и дивится, как это они не раздавят ее с маху. Ярятся горные воды, сливаются, затопляют дно котла, шипят и бунтуют, у самых стен ходят. Все там мокрое, остуженное... А невесть откуда смотришь, и лихорадка подбирается... Да какая! По словам линейцев, она, подлая, в говядине не сидит, а в кость норовит, а из кости ее уж никак не выгонишь. До смерти дотрясет тебя, — будь покоен. Глотай хину, сколько угодно доктору Карлу Карловичу; — лихорадка прихилится на время, а потом в самое неудобное время на рубке или в экспедиции, когда ты ее не ждешь и не чаешь, как набросится да замотает тебя — смерть легче. И подлецы черкесы тоже хороши! Добрый хозяин собаки не выгонит в эту пору, а им первое удовольствие, подберутся к самой крепости — благо их издали в дожде не видно, — да и давай со скал да осыпей палить по ее дверям, окнам... Только и слышишь, как пульки их чмокаются о булыжники да, словно свинцовые шмели, заползают в черепичные кровли. Надоест, наконец, западному ветру дуть сюда. Тучи, далеко еще не разрешившиеся, медленно, лениво, нехотя втянутся в ущелья к морю, и вдруг дно котла ясно заблестит под солнцем, точно вымытое. И скалы загорятся, так что только глаза береги — ослепнешь. Солнце торопится высушить все, и каждый листок так горит на нем, точно его лаком смазали. Остуженные и измокшие люди выползают из казематов. Вешают мокрые шинели, платье, белье... Пар идет от них! Только бы радоваться Божьему свету, — да такие ямы не для радости созданы. Не с чего-то развеселиться ему. Двух часов не про-

шло — и дышать нечем. Вспучившиеся горные потоки унесло прочь, все сухо. Еще час — и хоть кричи! Душит огнем. И скалы, и крепость — все томится в полыме, да каком! Собака да и та раскроет рот и лапы раскидает, и ни с места. Люди слоняются без мысли в голове, в тени и то дышать нечем, а где из тени вышел — в голову сквозь мозжечок точно железная раскаленная в печке рука проникнет, и готов солдат. Опять ротному писарю забота: отмечай «умер от солнечного удара!» А аулам на высоте — с полгоря. Те себе стоят на свету, их и горный ветер обвевает, и воздух у них не застаивается, да и вдоволь его, дыши полною грудью... «И занесло же нас, братцы, — говорили солдаты. — В самое пекло. Распоследние мы люди! Немирному куда лучше. Ишь, он на коньке-то по крутым тропкам красуется. А мы, как клопы в щели, и выйти никуда нельзя. Сиди да умирай»... «Впредь до приказа!» — философски прибавляют к этому грамотные, одним локтем касающиеся начальства — ефрейтора.

III

Вообще, радоваться здесь было нечему!.. Хотя и тут ухитрялись кое-как веселиться и коротать время. Все-таки было несколько офицеров, и между ними не все уж лыком шиты. Случались даже переведенные из гвардии, из Петербурга. Эти, впрочем, недолго томились. Год-два, много-много три — смотришь, в какой-нибудь экспедиции в горы удалось отличиться, напомнить о себе, и зовут счастливца в Тифлис, в штаб, к Воронцову, а то и еще того лучше: поднимается питерская рука и давай звонить во все колокола. Смотришь, спешит в крепость казак с летучкой. В чем дело? Зовут опять такого-то в гвардию. Иди, рыба, в воду и радуйся! Не все, впрочем, радо-

вались. Бывали и такие: сживется с Кавказом, и противно ему вспоминать о разводах с церемонией да муштры с вытяжкой. К Марсову полю вовсе не тянет, пропадай оно совсем! И остается в горах на ужас полошащейся и недоумевающей родни. Такой был и в описываемой нами Карабулакской крепости... И не то чтобы спился человек. В то время не особенно спивались. Пили кахетинское вино, чихирь, кизлярку, но до потери образа и подобия Божия доходить не случалось. Кавказ не гремел этим. Вот хоть бы в этот вечер, с которого начинается мой рассказ. Собрались гг. офицеры у своего коменданта, старого кавказского подполковника Петра Александровича Слободчикова, как собирались они и вчера, и третьего дня. Куда же деться им? Всего ведь шестеро, клубов не устроишь, да еще если присоединить к ним доктора и батюшку! Да и негде бы. Все сужено и стеснено до последней степени. Самое обширное помещение у Слободчикова, но и оно всего на все состоит из четырех комнат. Две из них — парадные, для гостей, в двух спят сынишка и он с женою. Петру Александровичу уже пятьдесят лет, из них тридцать он провел на Кавказе, куда попал из корпуса. Но на вид ему меньше. Он держится молодцевато. Виски зачесывает по моде вперед, на лбу взбивает кок. Тугой и высокий воротник николаевского сюртука всегда застегнут и крепко упирается в подбородок. Женился он в Тифлисе, и с тех пор едва ли даже его супруга Тамара Давидовна встречала его среди бела дня иначе, чем перетянутым, непременно с Владимиром на шее и в густых эполетах, красиво лежавших на прямых плечах. Снисходительный к другим, он считал для себя невозможным расстегнуть хоть одну пуговицу сюртука и даже в походах оставался таким же. Старый князь Аргутинский-Долгоруков про него говаривал, что Слободчиков, как термометр, всегда заперт со всех сторон. Усы он фабрил и готов был

простить все на свете, кроме «лодырства» и трусости... Тамара Давидовна начинала стареть. У нее уже показывались седые пряди на голове, но и она, единственная представительница женского пола в крепости, держалась прямо и была аккуратна во всем до последней крайности. В нее до сих пор влюблялись молодые офицеры и декламировали ей целые тирады из тогдашней «Библиотеки для чтения», а один даже писал стихи, где сравнивал ее возраст с вечерним Амуром, в простоте души, вероятно, полагая, что в мифологии полагались также и «утренние». Впрочем, когда раз Петр Александрович пристал к нему, требуя по этому недоразумению объяснений, то оказалось, что поручик Столбцов «Амура» смешал с Авророй. И на общий смех он презабавно ответил:

— Что же, помилуйте, Петр Александрович! Как их отличить: и Амур и Аврора — обе дамы!

Сашу, сына коменданта, сегодня уложили почему-то рано, и ему не спалось. Он привстал с постели, подошел к полуотворенной двери и заслушался. Молодой князь Лазарев рассказывал его отцу о последнем набеге горцев. Его только что перевели сюда, и он сильно скучал в крепости. Прежде он был на линии, чуть ли не в Прочном окопе у Засса. Родня в Петербурге выхлопотала ему перевод в Москву с Кавказа. Князь отказался и был за это отправлен в глушь, в крепость к Слободчикову. Сейчас он описывал коменданту, как Засс надул черкесов. Притворился мертвым, даже в гробу лежал, и свечи над ним горели, а как горцы обрадовались смерти злейшего врага, он воскрес и нагрянул на них за реку Белую...

— Молодец! — смеялись офицеры.

— Еще бы не молодец!.. А как дрался!..

— Отчего вы не остались у него, князь?

— И рад бы... Петербургские тетушки хотят меня образумить.

— Как это?

— А соскучусь, дескать, в крепости, сам к ним запрошусь...

— Держи карман шире!

— Очень меня интересуют их сплетни да парады!.. Ну их... Тут хоть дело настоящее...

Саша подумывал уже, не забраться ли ему опять в постель, как вдруг дверь перед ним подалась, и он совершенно неожиданно для самого себя вылетел в гостиную в рубашонке и босиком.

— Это еще что? — вскочил Петр Александрович. — Что за явление?

Саша жмурился на свет, недоуменно оглядывал хохотавших гостей, пока отец не подхватил его и не посадил себе на плечи...

— Тамара, — крикнул Слободчиков, — полюбуйся на сынка! Хорош? Это вместо того, чтобы спать, он под дверями подслушивал...

Саша хотел было расплакаться, да из другой комнаты вдруг запахло вкусным.

Мальчик сейчас же сообразил, что Гордей, солдат, игравший здесь роль повара, достал сегодня великолепного барана и обещал к вечеру приготовить его по-кабардински, т. е. вырыть яму, наполнить ее горячими угольями, выпотрошить барана и уложить его туда с шерстью, завалить землею часа на два и вынуть потом изжаренного в собственном соку.

Плакать было, значит, незачем. Лучше остаться к ужину.

— Я вовсе не подслушивал! — покосился он на отца.

— Что же ты делал?

— Дядя Ваня, — так он называл князя, — про черкесов рассказывал...

— Ну, иди спать, пора!